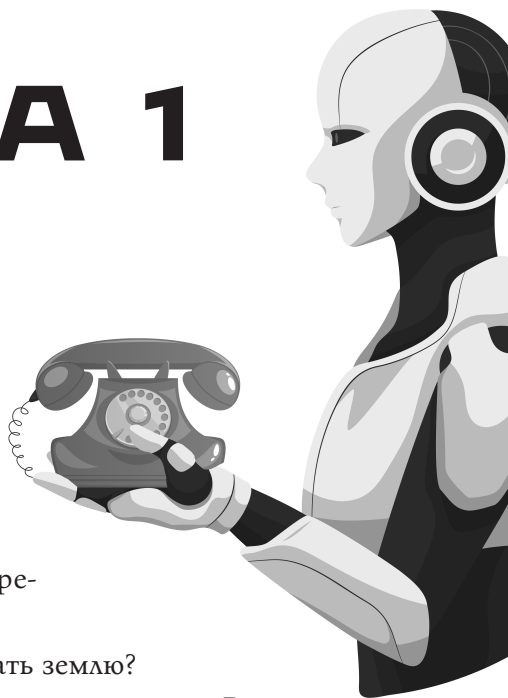

ГЛАВА 1

— Может, хоть в этот раз будешь второй? — усмехнулась Марина, завязывая шнурки.

— Второй, кто тебя обгонит, — фыркнула я, и мы с Женькой переглянулись.

— Эй, мыши, уже готовы целовать землю?

Алика. Тяжелая артиллерия нашего класса. Возмутительно, что ее допустили к соревнованиям. Для таких особей с интеллектом табуретки придумана детская площадка. Ах да, Алика — моя соседка по парте. И только благодаря выдающемуся боковому зрению она здесь.

— Ну, девочки!

— К новым мировым рекордам!

— Слава советскому спорту!

С характерным щелчком открылись три железные банки протеинового коктейля. У Маринки есть деньги, у Жени — знакомства, чтобы заказать редкие биодобавки. А у меня — верные подруги.

По громкой связи объявили:

— 2001 год рождения. Все, кто закончил разминку, приглашаются к старту.

Сегодня последний этап сдачи нормативов ГТО: бег на выносливость. Мальчишки уже преодолели пять километров и возвращались в раздевалки. Я бы пробежала с ними, но, очевидно, правила придуманы мужчинами, которые боялись проиграть женщинам. Мы бежим отдельно и всего три километра.

Жаль, что я не вышла раньше, перед забегом путь по стеклянному коридору полон опасностей. Особенно рядом с мужской раздевалкой! Наши парни незаменимы для оборонной промышленности: превращать кроссовки в химическое оружие — их призвание. Всюду экраны, предварительный рейтинг девочек уже высветился. Я первая. Алика вторая. Маринка четвертая. Женя где-то на второй странице. Любуюсь своим именем. А скоро цифры рядом станут еще значительнее. Я сдам бег. Получу значок. И, наконец, отправлюсь в резиденцию для подростков. Остался последний шанс попасть туда досрочно, со стипендией, на личной машине, а не скопом со всеми остальными в конце года. Это по праву мое место.

— Заучка кверху ручка! — раздалось в мою сторону.

— Задира из сортира! — ответила я.

Стандартное приветствие с Мишей из параллельного.

Марка досрочно отправили в резиденцию в середине десятого класса, с тех пор у меня в городе защитников не осталось. Марк, он хороший. Мы из одного двора, дружим семьями. Сказал своим, что, когда вернется, сыграем свадьбу. Наивный. Хотя мне приятно.

«Миша из параллельного», хоть и дружил с Марком, против толпы был бессилен. Поэтому мы придумали друг другу оскорбления, которые нам не кажутся обидными. Миша ды-

мил в туалете, а я... А я разве что из штанов не выпрыгивала, чтобы набрать баллы. Кстати, на нынешнем забеге Марк всё-таки будет со мной рядом. Тетя Аня отдала мне старые кроссовки сына, мои порвались неделей раньше. Эти сваливаются, но не страшно.

— Кира, ты лучшая! — прошептал Миша, и с этими мыслями я вышла на арену. Вот моя дорожка, где изучен каждый пиксель, каждая всплывающая под ногами анимация. Со всех сторон экраны с теми же списками, что и в коридорах. Я — первая.

Старт. Свисток. Глубокий вдох. Девчонки уже сорвались с места, но у меня своя тактика: дать слабинку, а потом разогнаться. Папа надрессировал брать дистанцию в двадцать пять кругов, а здесь нужно неполных восемь. Я способна бежать со скоростью света, даже когда силы на исходе.

— Галоши не воняют? — Алика обогнала меня на целый круг.

— Отстань!

К этому моменту я набрала скорость. Марина пока третья. Женя в хвосте, ей надо сдать на бронзу.

Главное — правильно дышать, приземляться на носок, не наклоняться вперед. Я готова финишировать.

— Женя, поднажми! — крикнула я, поравнявшись с ней.

Пары секунд хватило, чтобы заметить: у Жени красные щеки, дыхание давно сбилось, а вместо ответа лишь виноватая улыбка.

Оставалось два круга, передо мной четверо.

Сперва я обогнала девочку, с которой мы ходили на танцы, потом Марину и кого-то еще. Впереди замаячила Алика. Ой, уже нет. Ура! Я мельком взглянула на трибуну: мама

читала книгу, а папа спокойно наблюдал мой триумф. Он столько лет тренировал меня, что удивить его результатами я даже не надеялась. Когда выиграю, купим пирожное.

— Кира! Смотри!

Истошный вопль Алики вынудил меня обернуться, стопа подкосилась, и я рухнула, словно тряпичная кукла.

— Смотри! Кира! Смотри, как я побеждаю! — раздалось уже где-то вдали.

Мое имя на экране переместилось в конец списка, уступая заветные баллы другим.

В глазах потемнело, а когда я пришла в себя и попыталась встать, меня буквально вдавил в землю кто-то со спины. Передо мной возникла испуганная Женя.

— Замри, хуже будет! У меня мама врач!

Ошалело озираясь, я пыталась понять, что произошло. Женя развязала мне шнурки, и кроссовок буквально слетел прочь.

— Сорок второй размер? Ты о чем думала, когда это надевала?!

— О победе, — выдохнула я.

Из-за резкой остановки ее лицо стало ярче флага. Женю удивило, почему я хохочу до хрипа, истошно, чужеродно. Нога болела до звезд в глазах, но ситуация и вид Женки вызвали очередной приступ смеха. Успокоившись, я начала искать глазами папу. Конечно, ушел. Кажется, вся трибуна уставилась на меня. И только мама продолжала читать книгу.

Санитары переложили меня на носилки, Женя поплелась рядом. Вдали раздался радостный визг. Кто-то из девчонок добежал. И это не я.

Я нажала на «стоп» и снова перемотала к началу. Такой вот способ успокоиться.

Мама всегда говорила, наше поколение самое счастливое. Мы — первые, кто может честным трудом заслужить право работать по достойной профессии. И я тружусь. Нашей семье необходимо выбраться из нищеты, и сделать это могу только я. Нет, мы не самые бедные. И даже со своей однокомнатной квартирой, которую нам выделили после реновации. Она похожа на предыдущую, но без трещин по стенам. Изначально это были нормальные постройки, но кому-то приспичило копать второй уровень метрополитена. Класс комфорт, видите ли! Спуск на лифте, ультраразгон поездов, тьфу. С обещанной скоростью только дома покосились. Так мы и покинули нашу сталинку. Некоторые соседи переезжали «с косметичкой», но мы перевезли всё нажитое добро, до последней чайной пары. Это и понятно, откуда взять деньги на новые вещи и мебель? Маленькая кухня, санузел и комната — вот и всё, чем богаты.

— Кила, из попить тут только вода!

— Никит, мне там компот передавали...

— Ну Кила!

— Неси уже что-нибудь! Когда я встану, первое, что сделаю, — научу тебя заваривать чай.

Брат вернулся с двумя стаканами: воду отдал мне, а стакан с компотом оставил.

— Так, и?

— Поделжишь, пока я к себе навелх залазию?

Ясно. Никита явно не собирался делиться. Мама взяла дополнительную смену, и Никитку оставили на мне, раз уж я дома. Вот он нагел, наживаясь на моей слабости. Я бы

давно наваляла этому четырехлетке, но тогда он и воду не будет приносить.

— Кила! Быстро!

Я покорно отдала на его ярус стакан моего же компота. Хоть бы не разлил! Одно хорошо, в самых важных моментах он слушался. Например, не нарушал правила дома. По лестнице к родителям ему подниматься запрещено, но, если бы это сейчас взбрело ему в голову, я бы не смогла встать и помешать.

В старом доме мы жили в комнате вместе, но в этой квартире — два уровня. На основном: сервант, шкаф-стенка, гладильная доска, раскладной стол-книжка, папино кресло и наша с братом двухъярусная кровать. У стены — крутая лестница на верхний «этаж». Высотой он чуть больше метра: там матрас родителей и книжная полка. Зато в комнате целых четыре узких высоких окна: тридцать сантиметров от пола и столько же до потолка. В общем, типичная гагаринка.

— Кила, давай поиграем?

— Ты получил компот?

— Да.

— Свободен.

— А вечелом?

— А вечером поиграем.

Кровать зашаталась, это брат повернулся к стенке. Будет заниматься тем же, чем я всё детство, — обводить пальцем настенный ковер.

Есть и хорошее в этом товарище. Никита никогда не трогал меня, если я включала старые кинозаписи. Он заучил их наизусть, как и я. Он знал, на какой кассете его мультфильмы. Но еще лучше знал, что будет, если забрать у меня пульт.

Я машинально нащупала кнопку воспроизведения.

Пересматривать на видеомагнитоле тот день стало моей привычкой. Мне нравилось видеть себя такой воодушевленной. Еще бы, после многолетнего ожидания этот день был сродни принятию в космонавты. Еще чуть-чуть, и к звездам, думала я. Еще полдня, и все будут любоваться моими достижениями. Одна заветная аккредитация, и начнется новая жизнь в гонке за признание. Но на деле это были последние минуты, когда я романтизировала то, что теперь называется рейтинг.

Вот появилась картинка. Трясущимися руками я включаю видеокамеру у входа в милицию и начинаю запись.

«Привет, мам. Привет, пап. Привет, Кира, которая будет пересматривать это видео. И тебе привет, братишка. Теперь-то ты знаешь, у тебя есть сестра. Сейчас девять утра, нас скоро запустят. Кое-кто, да-да, это я про вас, вы в кадре, в общем, эти счастливичики приехали на родительских машинах. Так что я в середине очереди. Надеюсь, успею до обеда».

Дальше пауза. Пленка осталась всего одна, и на нее нельзя было записывать много.

«Паспорт! Вот он! Мой! А это зачетная книжка! Потом расскажу, побежала».

На втором видео кадр вообще не выстроен. Надо было успеть в Дом творчества до закрытия.

В следующем эпизоде я уже дома. Мама наливала чайный гриб на старой кухне, папа снимал, а лепет Никиты

раздавался из комнаты. Он был увлечен какой-то погребушкой.

«Наконец, тебе четырнадцать, — обращался ко мне отец. Я улыбалась, глядя мимо объектива, на него. — С этого дня будем работать на твой рейтинг. Если честно, я огорчен, что первый штамп с секции рисования. — А потом улыбка пропала с лица, и я покраснела. — Но, надеюсь, дальше ты порадуешь нас с мамой спортивными заслугами. Ну, давай, покажи, что тебе дали, где там страницы для будущих рекордов?»

Ненавижу этот момент. А следующий обожаю. Тут я уже успокоилась и даже снова воодушевилась.

«Вот, смотрите, тут надо приложить палец, и загорится экран. Имя вот, возраст, регистрационный номер. Аватар еще не загрузился, обещали, что завтра (слышны вздохи родителей). А вот это — металлическая рамка, которая будет защищать зачетку от повреждений».

Мама с интересом разглядывала артефакт, но как только взяла его из моих рук — экран устройства погас. Она тут же протянула документ мне назад и отстранилась, словно от проказы какой-то. Папа ухмыльнулся, но трогать не стал. Им столько предстоит освоить в двадцать первом веке!

«А тут вот, смотрите, печать поставили...»

Я протянула зачетку к камере, но папа уже прекратил съемку. Следующий кадр с тренировки. Остановись, мгнов-

венье, ты прекрасно! Пульт был наготове, чтобы как можно скорее выключить кассету. Дальше будет много хроник из зала и со стадиона. Но мне не хотелось думать о спорте, вспоминать свой недавний провал. И я снова перемотала жизнь к ступеням отделения милиции, когда мой успех еще ни в чем не измерялся.

С того дня прошло почти четыре года: на страницах всюду просвечивали печати и записи гелевой ручкой, сенсор местами был расцарапан. Позор! Я даже полиролью натирала, всё без толку. Неужели, кидая зачетку в кучу к остальным, комиссия не отдавала себе отчет, что это моя визитная карточка, моя путевка в жизнь! Какова ее судьба после того злополучного забега? Лежать, брошенной в ящик, на стадионе? Пылиться на полке санитарной части? А может, ее затоптала Алика и забрала домой как трофей?

Я смотрела запись снова, снова, снова. Стемнело. Брат давно спустился на мою кровать, родители вернулись с работы, мне принесли ужин: модифицированный картофель с витамином D и повышенным содержанием белка. Обменяла пульт от магнитола на тарелку. Либо есть, либо смотреть кассету.

Начался обычный вечер. Папа раскачивался в кресле и делал вид, что слушает встроенный в стену приемник. Мама готовила суп на неделю, а Никита синим фломастером рисовал на моем гипсе солнышко, деревянный домик и нашу семью, держащуюся за руки. У него не было других фломастеров. Да и этот оставлял еле заметный след. Но Никита настойчиво слюнявил грифель, отчего язык становился синим. Мне было стыдно, что я не могла купить брату новые фломастеры.